

АЛЕКСАНДР
ЖОЛКОВСКИЙ

АЛЕКСАНДР
ЖОЛКОВСКИЙ

НАПРАСНЫЕ
СОВЕРШЕНСТВА

другие виньетки

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

АСТ
Москва

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ж 79

Художественное оформление и макет АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

Издательство благодарит за предоставленные фотоматериалы
Государственный литературный музей

В оформлении переплета использована фотография А. К. ЖОЛКОВСКОГО
ОЛИМПЦИИ ГОНСАЛЕС

В книге использованы фотографии из личного архива А. К. ЖОЛКОВСКОГО,
фотография А. А. АХМАТОВОЙ работы М. С. НАППЕЛЬБАУМА (Агентство ФТМ Лтд),
кадры из фильмов: "The Spy Who Loved Me", "Eye of the Beholder",
"Inside Deep Throat", "Broken Blossoms", "Sleeper", "Чапаев" и "Go West",
а также обложка книги М. Ю. Берга "Литературократия. Проблема присвоения
и перераспределения власти в литературе" с разрешения издательства
"Новое Литературное Обозрение"

Ж 79 **Жолковский, Александр Константинович.**

Напрасные совершенства и другие виньетки / АЛЕКСАНДР ЖОЛКОВСКИЙ. — Москва :
АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2015. — 541 [3] с. — (Уроки чтения).

ISBN 978-5-17-088898-6

Знаменитый российско-американский филолог Александр Жолковский в книге "Напрасные совершенства" разбирает свою жизнь — с помощью тех же приемов, которые раньше применял к анализу чужих сочинений. Та же беспощадная доброта, самолюбование и самоедство, блеск и риск. Борис Пастернак, Эрнест Хемингуэй, Дмитрий Шостакович, Лев Гумилев, Александр Кушнер, Сергей Гандлевский, Михаил Гаспаров, Юрий Щеглов и многие другие — собеседники автора и герои его воспоминаний, восторженных, циничных и всегда безупречно изложенных.

Эта проза увлекательна, непредсказуема и, по выражению его заочной противницы Ахматовой, ровно настолько бесстыдна, чтобы приблизиться к поэзии. (Д. Быков)

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-088898-6

© Жолковский А. К.
© ООО «Издательство АСТ»

Содержание

Справка

7

ЧАСТЬ I
ЯБЛОКО ИЛИ ГУЛЯТЬ?

11

ЧАСТЬ II
СЕМНАДЦАТЬ МГНОВЕНИЙ ВЕСНЫ

127

ЧАСТЬ III
ОДИН РАЗ УВИДЕТЬ

283

ЧАСТЬ IV
НЕКРОЛОГИ, КОТОРЫЕ
МЫ ВЫБИРАЕМ

371

СПРАВКА

... На ваш запрос сообщаю, что мемуарные виньетки я начал писать в Москве более полувека назад, без какой-либо мысли о публикации. Про себя я называл их “Мемуары”. Они были не только источником непосредственного удовольствия, но и способом — в момент перехода от лингвистики к поэтике — “расписаться”. Поэтика требовала внутреннего раскрепощения, и мемуарные упражнения помогали. Я вернулся к ним в конце 1990-х, пройдя длинный путь дискурсивной эмансипации: лингвистика — поэтика — постструктурализм — демифологизация — эссеистика — рассказы. Но целиком от “научности” не избавился.

Не только в том смысле, что некоторые виньетки напоминают литературоведческие эссе. Дело в напряжении между верностью правде (того, как было или, во всяком случае, как я помню, как было) и свободой ее презентации. Врать, преувеличивать, придумывать события нельзя, но что рассказать, а что нет, какую авторскую позу принять, — твое авторское право. Даже в журналистике требование документальности

распространяется лишь на сообщаемые факты, позволяя репортеру вольности в обращении с собственной персоной как еще одним повествовательным приемом.

Стержень жанра — авторский образ виньетиста, находящийся на опасном стыке “правды” и “свободы”. Он присутствует в реминисцентной перспективе, в манере рассказывания (часто “научной”) и в рассказываемых историях. На всех трех уровнях он проблематизируется. Мемуарист предстает неуверенным в фактах, повествователь — амбивалентным в оценках, а герой попадает под удар как фабульно, так и экзистенциально, оказываясь не только свидетелем и жертвой событий, но и их соучастником-совиновником. Присочинение постыдных фактов не допускается, их и так хватает. Главное мемуарное правило — не забыть на себя оборотиться.

Не всякий вспомнившийся эпизод, любопытный исторически, этнографически или автобиографически (и забавный в устном варианте), представляет законный материал для виньетки. Критериев отсеивания много, и я не берусь их сформулировать, но мне, как правило, более или менее ясно, есть ли в эпизоде что-то “мое”, то есть, выражаясь нескромно, что-то, что именно мне стоит тревожиться описывать.

Кстати, о нескромности. В виньетках часто констатируют авторский “нарциссизм”. Но авторство вещь вообще нескромная. Особенно нахальное занятие — мемуаристика, тем более — избранный мной кокетливый завиток этого жанра. Я действительно претендую не столько на протоколирование “фактов” (и тех намертво запомнившихся словечек, ради которых по большей части предпринимается

рассказ), сколько на интересность собственного в них соучастия и их ретроспективного преподнесения. Последнее состоит, среди прочего, в словесной полировке, организации сюжетных рифм, отделке заголовков, реплик, концовок и т. п. Тем самым происходит дальнейшее отстранение от “правды”, которая всячески эстетизируется, нарциссизируется, виньетизируется.

Реваниш она берет в другом. Главную “правду” виньеток я полагаю в самой решимости написать их и написать так, как хочется. У меня есть знакомые, которые видели, помнят и могли бы рассказать гораздо больше и лучше, чем я. Могли бы, но не могут, во всяком случае, публично. Боятся. Боятся занять позицию — идейную, стилистическую, самопрезентационную. Иными словами, боятся авторства. Авторский имидж служит не только формальным приемом, но и той кариатидой, которая подпирает, в конечном счете, все здание, сама же держится мышечным усилием реального автора. Нужда в усилиях становится ощутимой, когда друзья вдруг единодушно ополчаются против какой-нибудь особенно рискованной винюетки, мотивируя это, разумеется, формальными соображениями (“не в вашем стиле”).

Но не буду преувеличивать своего авторского героизма. Винюетки написаны не с последней прямоотой (да и у Мандельштама она почему-то ассоциируется с противопоставлением шерри-бренди как бредней не менее сомнительным Мэри и коктейлям), а в условном жанре, задающем сложный баланс непосредственных впечатлений и ретроспективных оценок, фактографических констатаций и фигур речи, откровенностей и умолчаний. Умолчания, впрочем, не окончательны, или, если восполь-

зваться макабрическим англицизмом, не терминальны: заведен и пополняется файл, который я, с оглядкой на Ходжу Насреддина (“за тридцать лет либо я, либо шах, либо ишак — кто-нибудь умрет”), про себя называю посмертным.

ЧАСТЬ I

ЯБЛОКО

ИЛИ

ГУЛЯТЬ?

КОНСЕРВЫ

Мои самые ранние воспоминания довольно поздние. В отличие от Толстого, который сохранил память о себе как о трехмесячном младенце, то возвышающем свой голос против тугих свивальников, то блаженствующем в купальном корыте, от Пастернака, который вспоминал, как четырехлетним проснулся как раз, когда в гостях у родителей был Толстой (“Боренька знал, когда проснуться”, — явила Ахматова), и от Ахматовой, писавшей, правда, со слов старших, что вроде бы помнила себя чуть ли не двухлетним ребенком, — я более или менее толком помню о себе что-то лет с шести, да и то не всегда ясно и отчасти по рассказам взрослых.

В Москву из эвакуации мы вернулись летом 1943-го. О знакомстве с Женькой Зенкевичем — солнечным августовским днем он с сачком гонялся

На Остоженке до войны. Мне три с половиной

за крапивницами — я уже вспоминал*. Примерно к тому же времени относится память о первой прогулке на автомобиле. Это случилось, наоборот, вечером и окутано в моей памяти некоторым мраком.

Из Ленинграда приехал “дядя Пия”. В кавычках потому, что мне неясно, кому в нашей семье он мог приходиться столь близким родственником, а также потому, что загадочно звучало и само его имя, Пия, по сути женское (потом в Доме творчества композиторов в Иванове много лет работала веселая подавальщица Пия), при том, что каким-то образом я помню и его полное имя-отчество, Пий Григорьевич, хотя больше никогда его не видел и разговоров о нем не слышал. А если он все-таки был нашим родственником, то тогда, конечно, с маминной, в анамнезе еврейско-киевской, стороны, с чем совместимо отчество Григорьевич, допускающее еврейскую генеalogию, но диссонирует вызывающе христианское и даже католическое имя Пий (носившееся, в частности, тогдашним папой Пием XII, старшим современником нашего “дяди”).

Дядя Пия запомнился. Он был высокого роста, худой, с резкими чертами лица и седыми волосами и, судя по обращению с ним взрослых — мамы, папы и мамино двоюродного брата, тоже киевлянина дяди Толи (Тобиаса Борисовича), — очень авторитетный. В частности, он говорил о том, как теперь, с приближением победы над немцами, пойдет

* Жолковский А. К., Армей, плейнбол, жало // А. К. Жолковский. “Звезды и немного нервно”. М.: Время, 2008. С. 13.